

Пол Холландер

**Насилие ради высшей цели:
ответ западной морали на нацизм и коммунизм**

I

Главная и далеко не оригинальная мысль этого эссе состоит в том, что моральный отклик на нацизм и коммунизм и их оценка оказались существенно отличными друг от друга¹. Нацизм и связанное с ним политическое насилие были оценены намного резче, чем соответствующая политика и деятельность коммунистических государств. В последующем изложении я попытаюсь найти объяснение такого различия и прокомментировать его в свете, который оно проливает на характерную природу моральных суждений и их социальных, исторических и психологических корней.

Очевидно, что между этими системами есть и различия и подобия, включая политическое насилие и репрессии, которые они осуществляли. Тогда возникает вопрос, что же – различия или подобие – оказывается более важно для вынесения моральных суждений? Начну с различий, и при этом с самых очевидных.

Для начала, существенные различия имеются в самих обстоятельствах прекращения существования нацизма и коммунизма, и обстоятельства эти до некоторой степени опираются

---

¹ Я также исследовал эту тему в *Soviet Terror, American Amnesia* // „National Review”. – Май 1994; в *Comparative Moral Reassessments of Nazism and Communism* // „Partisan Review”, Fall 1995, а также в *Introduction* к книге: P. Hollander (ed.), *From the Gulag to the Killing Fields*, Wilmington DE 2006.

на их соответствующую моральную оценку. Нацизм был целиком и полностью уничтожен силой оружия более чем полстолетия назад. В отличие от этого, Советский Союз и восточно-европейские коммунистические системы разрушились гораздо позже и без большого насилия. Но, в отличие от нацизма, коммунизм кое-где продолжает существовать (Куба, Северная Корея, Вьетнам и Лаос). В Китае коммунистическая партия сохраняет монополию на власть, хотя и не в экономике. В последнее время левые политические режимы появились в Латинской Америке (Венесуэла, Боливия и Эквадор), в Никарагуа сандинисты восстановили власть путем выборов.

Вероятно, важнее, чем эти институциональные пережитки, что масса идей и идеалов, связанных с коммунизмом, остались привлекательными для многих людей, (главным образом для интеллигенции) и в западном, и в незападном мире. Они продолжают расценивать марксизм и множество его вариантов как впечатляющую теорию, неправильно применявшуюся «ныне существующими» коммунистическими системами в прошлом, но вовсе не дискредитированную. Предполагается, что цели, преследуемые этими системами, были высоки и прекрасны, лишь средства их достижения оказались негодными. Ответственность за неудачное соединение теории с практикой обычно возлагают на склонных к ошибкам людей и исторические обстоятельства. Левая интеллигенция редко задается вопросом, что же было такого в природе этой теории или идеалов, что противилось реализации, почему эти идеалы легко поддались искажению?

Существовала тесная связь между характером расходящихся моральных ответов и количеством и качеством информации, доступной о каждой из этих систем. Есть огромная разница между информацией и знанием о нацистской Германии и преступлениях нацизма – и Холокосте в частности – и соответствующим знанием о коммунистических государствах, угасших или выживших, их лидерах, учреждениях, политике и жертвах.

После поражения нацистской Германии во второй мировой войне союзниками было обнаружено множество физических и человеческих свидетельств Холокоста, включая концентрационные лагеря и лагеря уничтожения, их выживших обитателей, а также их охранников и начальников. Со временем оставшиеся в живых рассказали свою историю; многие главные преступники и идеологи злодеяний были осуждены и наказаны, судебные процессы широко освещались. Обнаруженные архивы нацистского режима стали источником дальнейшей подробной информации о режиме и его программе «окончательного решения». Жертвами нацизма и о них было написано большое количество книг, и вплоть до сегодняшнего дня бесконечный поток литературы о нацистской Германии и Холокосте, литературы как академической, так и популярной, не иссякает. Даже массовая культура, особенно кино и телевидение, использовала нацизм и Холокост как популярные темы. Такие слова, как *Холокост*, *нацист*, *геноцид*, *гестапо*, *СС*, *штурмовики*, *Аушвиц*, вошли в разговорную речь на многих языках. Школьные системы Западной Европы, Соединенных Штатов и Канады включают лекции о Холокосте. Израиль обязан своим существованием всеобщему признанию уникального морального злодеяния нацистской Германии против евреев. Холокост стал универсальным критерием и метафорой бесспорного зла.

Оценки коммунизма были другими и куда более спорными. Ни одна коммунистическая страна не была побеждена силой оружия; Советский Союз распался после ослабления воли к власти и к репрессиям правящей элиты; страны советского блока Восточной Европы избавились от правительств советского стиля, как только их слабость стала очевидной.

Обитатели коммунистических трудовых лагерей и тюрем не освобождались иностранными войсками, коммунистические архивы не открывались для иностранных исследователей, хотя некоторые из бывших коммунистических государств и предоставили к ним некоторый доступ. О Гулаге и подобных ему учреждениях осталось немного фотографических или

физических свидетельств; преступники и идеологи массовых убийств в коммунистических государствах не были арестованы и осуждены. Ни в российских, ни в китайских школах не рассказывают на уроках о преступлениях Сталина или Мао. В отличие от Германии, где были предприняты серьезные усилия для противостояния преступлениям нацизма, в посткоммунистических странах общественное воодушевление для расследования преступлений коммунизма было совсем небольшим.

Западные школьные системы не предусматривают никаких программ изучения коммунистических государств и их преступлений, которые напоминали бы изучение Холокоста². Колледжи и университеты также предлагают совсем немного курсов о коммунистических системах, угасших или выживших. Массовая культура слабо отметила эти системы; было снято несколько кинофильмов, изображавших несправедливость, репрессии и политическое насилие в коммунистических государствах или любой другой отрицательный аспект этих систем. Зато во время второй мировой войны Голливуд производил множество кинолент, гротескно хвалебных и романтизирующих Советский Союз при Сталине.

В то время как имеется существенная академическая литература по коммунистическим системам (хотя и не популярная), многие авторы стремились избежать «предвзятости». Свидетельства коммунистических беженцев зачастую подвергались сомнению и считались ненадежными. Арч Гетти, американский историк (больше известный стремлением занижить оценку количества жертв советских чисток) называл такие доказательства «поддержанными личными мемуарами, сплетнями... и зловещими счетами дезертировавших шпионов, жаждущих добиться проживания на Западе». Виктор Кравченко, известный советский невозвращенец 1940-х годов,

---

² Недавнее предложение Швеции включить подобные материалы в школьный учебный план (уже включающий лекции о Холокосте) было встречено сильным протестом академической интеллигенции, высказавшей опасение, что такие меры будут подразумевать моральную эквивалентность нацистской и коммунистической систем.

был подвергнут клеветнической кампании. Ноам Чомски и Эдвард Герман осудили доказательства кампучийских беженцев, а Николас Кристофф задавался вопросом о надежности свидетельств беженцев северокорейского ГУЛАГа³.

В то время как «ревизионизма Холокоста» добивались немногие эксцентрики, которых никто не принимал всерьез, ревизионизм относительно природы и жертв советской системы – процветающее предприятие, и те, кто вносит свой вклад в это дело, занимают ведущее положение в главных западных университетах. Немногие авторы, делавшие наиболее диковинные неверные суждения о коммунистических системах до их краха, публично признали свои ошибки, однако ни их репутация, ни профессиональное положение в результате их неправильных мнений не пострадали.

Сочинение «Сталинский террор: новые перспективы» особо показательно своими комментариями к моральным позициям. Профессор Гетти, один из составителей данного труда, утверждал, что было бы ошибкой искать «происхождение сталинского террора в личности безумного диктатора, “административной системе” того времени или в самой природе ленинизма». Что же нам оставляют? Странно облагороженное объяснение террора, лишенное какого-либо морального значения или фокуса. Гетти и Уильям Чаз писали: «Когда террор вспыхнул в 1936-37 гг., он быстро вышел из-под контроля, хаотично отражая личную ненависть [то есть на местном уровне. – П. Х.] и разворачиваясь сам собой с помощью страха. Объяснения террора... должны быть дополнены подходами, учитывающими отсутствие координации, местный беспорядок и личные конфликты». Ранее в своей работе Гетти и Маннинг утверждали, что «Сталин... Ежов и высокопоставленные оперативные работники НКВД искренне полагали, что страна пронизана заговорами и тайными

---

³ Гетти в кн. изд-ва A. Getty, R. Manning, *Stalinist Terror: New Perspectives*, Cambridge U.K. and New York 1993. – С. 40-41; G. Kern, *The Case of Victor Kravchenko*, New York 2007; N. Chomsky, E.S. Herman, *Distortions at Fourth Hand* // „Nation” от 25 июня 1977 г.; N.D. Kristoff, *Survivors Report Torture in North Korean Labor Camps* // „New York Times” от 14 июля 1996 г.

организациями... убеждение, что происки злых духов виновны в банальных неудачах, было укоренено в традиционных сельских верованиях... элементы дореволюционной сельской культуры питали сталинские преследования...».

В данной цитате примечателен акцент на несоветские или досоветские факторы, в которых должна была раствориться ответственность советской системы за массовые убийства. В другом месте данного труда Маннинг привлекает в качестве дальнейших объяснений «...безнадежные условия того времени... немецкий экспансионизм... пограничные конфликты с японцами в Маньчжурии, неурожай 1936 года...»⁴.

После всего вышесказанного эти «перспективы сталинского террора» предлагают такой широкий диапазон факторов и объяснений (многие из которых очевидно независимы от человеческой воли), что становится затруднительно или вовсе невозможно локализовать моральную ответственность за злодеяния и устанавливается непредвзятое, или «бесстрастное... изображение действительности» (как не без удовлетворения выразился другой автор этого сочинения)⁵.

Все коммунистические государства были закрытыми обществами большую часть своей истории и вкладывали значительные ресурсы в систематическое искажение своего образа для собственных народов и для общественного мнения за границей. Они удерживали монополию на СМИ, осуществляли строгую цензуру, ограничивали въезд гостей из-за границы и вообще чрезвычайно затрудняли сбор объективных данных об условиях жизни в пределах своих границ. Усилия по введению в заблуждение включали создание образцовых тюрем, учрежденных ради иностранных посетителей (я писал об этом в моих «Политических паломниках»). Граждане этих стран были достаточно запуганы большей частью своей истории, чтобы не показывать иностранцам тех черт общества и

---

⁴ A. Getty, R. Manning, цит. – С. 225, 245, 7, 196.

⁵ G. Wheatcroft, там же. – С. 275.

политической системы, которая противоречила бы официальной информации.

Если бы граждане других стран больше знали о несправедливости и политических репрессиях, их моральное негодование было бы сильнее? Может быть, однако ограниченная информация не является главным объяснением столь отличного морального отклика. Широко распространенное на Западе общественное неведение помогает объяснить меньшую силу морального осуждения коммунистических злодеяний, но ни в коем случае не объясняет его полностью. Меньшее количество непосредственно доступной информации отражает и меньшее любопытство, и моральное беспокойство по поводу коммунистических злодеяний.

Дурная слава нацистской Германии твердо укоренена в Холокосте – тщательно спланированном, заранее обдуманном, систематическом и механизированном массовом убийстве евреев, включая детей и стариков. Коммунистические государства, напротив, не клеймили какую-либо единственную группу населения как абсолютное зло, требующее полного уничтожения. Жертвы коммунистических систем происходили из широкого разнообразия групп; никакое определенное этническое и социальное происхождение или религиозные и политические убеждения не гарантировали неприкосновенности; «врагом» мог стать любой, включая прежних сторонников и высокопоставленных лидеров, в зависимости от изменения политических критериев. Коммунистические государства не проводили подобной нацистской систематической и целеустремленной политики истребления какой-либо специфической группы, хотя, конечно, некоторые группы или категории населения были намного более уязвимы, чем другие. К тому же, в отличие от нацистской Германии, коммунистические государства не убивали детей за политику.

Дальнейшее различие состоит в том, что в коммунистических государствах теоретически, если зачастую не практически, было возможно избежать преследования (даже для тех, кто определялся как политически неблагонадежный в силу клас-

сового происхождения или других «объективных» критериев), демонстрируя лояльность к системе; в некоторых случаях существовали программы перевоспитания самих неблагонадежных или их потомков, как, например, в Китае, на Кубе и во Вьетнаме, а также в первые годы существования Советского Союза. В отличие от этого, для нацистов принадлежность к «испорченным» расово-этническим категориям была неотъемлемым дефектом, эквивалентным смертному приговору.

Другое важное различие состояло в том, что в коммунистических системах больший процент смертей был результатом не прямого уничтожения, а тяжелейших условий жизни в трудовых лагерях. Теоретически выжить в них было возможно, и многие выживали, но, вероятно, большинство выжить не смогло. Миллионы были также расстреляны или замучены до смерти в Камбодже при Пол Поте. Другим главным источником жертв в коммунистических системах был голод, порождавшийся официальной политикой (иногда затрагивающий отдельные группы, как в бывшем Советском Союзе) или становившийся непреднамеренным последствием бедственной экономической политики, как в Китае и Эфиопии⁶.

Число жертв нацистских и коммунистических систем также было различно (намного больше в коммунистических государствах), отчасти потому, что политическое насилие и репрессии в коммунистических государствах производились в течение намного более длительного периода и во многих странах длились многими десятилетиями (хотя размах этих кампаний значительно колебался), тогда как нацистское насилие было сжато по времени в несколько лет и затронуло меньше регионов и народов.

---

⁶ См.: R. Conquest, *Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror Famine*, New York 1986; J. Becker, *Hungry Ghosts: Mao's Secret Famine*, New York 1994; об официальной политике и голоде в коммунистической Эфиопии см.: D.W. Giorgis, *Red Tears*, Trenton, NJ 1989.

II

Существовало также и множество важных и нравственно уместных подобий между нацистским и коммунистическим политическим насилием, суммируемых ниже.

1. Обе системы создали высоко специализированные и обширные организации по обнаружению, наказанию и уничтожению групп и людей, определяемых как политически опасные или неблагонадежные. В Германии это были гестапо и СС, в Советском Союзе – различные воплощения политической полиции, от ЧК до КГБ; другие коммунистические государства зачастую моделировали подобные организации по советским образцам.

2. Преследование в обеих системах основывалось на принадлежности к определенным категориям (расово-этнической или социально-политической), а не на поведении или действиях, поскольку в обеих системах предполагалось, что принадлежность к этим категориям может надежно предсказать враждебные действия. В коммунистических государствах в такие категории входили члены бывших правящих классов, собственники, зажиточные крестьяне (кулаки), капиталисты, бывшие госслужащие, политические деятели, члены бывшей полиции или вооруженных сил и зачастую их потомки; священники, министры и монахи; все те, кто имел родственников или близких друзей, принадлежащих к этим категориям; люди, имевшие родственников или друзей в западных капиталистических странах, или те, кто делал попытку или показал склонность оставить коммунистическую родину; любой, кто выражал враждебные или критические взгляды на режим, его политику и лидеров, включая тех, кто допускал политические шутки. В Камбодже при Пол Поте под подозрение и под репрессии попадали люди, носившие очки; предполагалось, что такие люди были более высокообразованы, и их образование было проникнуто западными идеями.

Устранение этих потенциально враждебных групп расценивалось как форма коллективной самообороны. Нацисты верили в глобальный еврейский заговор, еврейскую реши-

мость захватить власть над язычниками и способность евреев отравить социальную и культурную жизнь. Коммунистические правители действовали с верой, что обозначенные в качестве враждебных группы представляли смертельную опасность для системы и были (или могли быть) вовлечены в заговоры, саботаж и насильственные действия.

3. Обе системы расценивали политическое насилие, в котором они участвовали, как насилие ради высочайшей цели, очистительного намерения создания превосходящей социальной системы. Как отметил Михаил Игнатъев, «опасность геноцида коренится в его обещании создать мир без врагов... геноцид [-] преступление в угоду утопии, мира без разногласий, вражды, подозрений, свободного от врагов внешних или врагов внутренних... эта утопия является ядром направленного на геноцид намерения»⁷.

Безусловно, в нацистском случае теоретически-идеологическое основание такой превосходящей социальной системы было намного менее внушительно, поскольку опиралось на предпосылку, что превосходящий мир или общественный строй возникнет, как только будут уничтожены все евреи, а другие низшие (хотя и менее опасные) группы будут поставлены в подчиненное положение.

Коммунистические системы, конечно, опирались на марксистскую теорию классовой борьбы (которая влекла за собой и узаконенное крупномасштабное насилие), сопровождающейся «отмиранием государства», на утопию бесклассового и бесконфликтного общества, в котором материальное изобилие и постоянное равенство должны были быть созданы рабочими, мотивированными не материальными, а моральными стимулами⁸. Александр Яковлев писал: «вера... в неизбежность прихода коммунистического мира послужила оправданию многочисленных и бессмысленных жертв классовой борьбы... Идея, что не следует страшиться жертв в служении делу

⁷ М. Ignatieff, *Lemkin's Word* // „New Republic” от 26 февраля 2001 г. – С. 25.

⁸ Даже Ленин разделял такую веру (до прихода к власти), как указано в его «Государстве и революции».

прогресса... очень характерна для Маркса... все это подавалось под маской заботы о человечестве, но с полным игнорированием отдельного человека. Террор – способ переработки человеческого материала во имя будущего...»⁹.

В китайском варианте «Мао... имел видение, утопическую мечту о полном преобразовании Китая... Даже когда его политика вызвала смерть миллионов, Мао никогда полностью не терял веры в... возможность искупления»¹⁰. Утопическое видение и в нацистской и в коммунистическо-советской версии было совместимо с глубоким безразличием к благосостоянию и жизни фактических людей. Чарльз Симич писал: «Никогда прежде столь многие классы людей не расценивались как не имеющие никакой ценности и потому не имеющие право на существование. Эти амбициозные программы по очищению планеты от некоторых национальных, этнических, расовых или религиозных групп были бы невозможны без сопровождающей их идеи, что кровопролитие допустимо для некоей версии человеческого счастья»¹¹.

В обоих случаях утопический проект влек за собой создание нового, улучшенного человека, готового подчинить частный или личный интерес коллективному или социальному интересу (как будет определено властью). Нацисты, в силу их недолгого правления, половина которого совпала с ведением войны, акцентировали воинские идеалы, но и коммунистические системы сосредоточили большую часть своей пропаганды и образования на создании людей, готовых пожертвовать жизнью в политической или военной борьбе.

4. Общими были также беспощадность и чувство безотлагательности устранения нежелательных групп, имевшие зачастую иррациональный аспект, даже с точки зрения выживания этих систем. Известным примером было привлечение

---

⁹ A. Yakovlev, *The Fate of Marxism in Russia*, New Haven CT 1993. – С. 11, 17, 38.

¹⁰ I. Buruma, *Divine Killer* // „New York Review of Books” от 24 февраля 2000 г. – С. 20.

¹¹ Ch. Simic, *The Golden Age of Hatred* // „New York Review of Books” от 23 октября 2003 г. – С. 42.

нацистами (в 1943-44) железнодорожных вагонов для перевозки евреев к газовым камерам, тогда как подвижной состав был крайне необходим для военных целей. Гораздо менее известно то, что Советский Союз во время второй мировой войны отзывал с фронта тысячи грузовиков и десятки тысяч членов НКВД для высылки подозрительных этнических групп с Кавказа. Ранее, во время войны, Берия использовал 14 000 солдат войск НКВД для высылки немецкоговорящих меньшинств¹².

Возможно, «Большая чистка» в целом и была чрезвычайно иррациональна для системы в целом (если бы не стремление Сталина укрепить власть), поскольку устраняла или уменьшала элитные группы советского общества, включая опытных военачальников, что имело серьезные последствия после нападения Германии на Советский Союз в 1941 году.

5. Обе системы использовали принудительный труд заключенных, хотя в Германии процент жертв, выполнявших такую работу прежде чем быть убитыми, был меньше, тогда как в Советском Союзе в такой работе участвовало намного большее число заключенных и потеря жизни была скорее непредвиденной, а не главной целью их заключения.

6. Обе системы относились к уголовным преступникам намного более гуманно, чем к политическим заключенным, и не были заинтересованы в их физическом устранении; в лагерной системе уголовникам поручался контроль над другими их обитателями и они обладали различными привилегиями.

7. Обе системы преследовали гомосексуалистов.

8. Наконец, подобие прослеживалось и в попытках мнимой научной, теоретической легитимизации этих кампаний политического насилия: нацисты опирались на расовые теории, коммунисты – на «научный социализм».

---

¹² S. Courtois et al., *The Black Book of Communism*, Cambridge, MA 1999. – С. 16, 217.

III

Если учесть отмеченные выше подвиги и намного большее число жертв коммунистических систем, возникает вопрос: почему моральные оценки этих двух систем оказались настолько отличны и почему существует столь сильное сопротивление признанию моральной эквивалентности этих исторически беспрецедентных режимов произвола?

Ответ следует начать с повторного замечания: нацистские массовые убийства были однозначно направлены на геноцид: евреи как этническая/религиозная группа должны были быть уничтожены без исключений и очень эффективным, индустриальным способом. Газовые камеры и крематории были историческими новшествами, облегчающими исполнение задуманного. Вопрос вины или невиновности не поднимался; жертв до последней минуты обманывали и загоняли в просторные помещения якобы для принятия душа. Технологическая рациональность этого патологического предприятия делала его особенно отвратительным.

Отвратительно было и то, что эти массовые убийства производились в сердце Европы нацией, считавшейся весьма цивилизованной, родиной многих западных культурных традиций и идеалов, потомками Баха, Бетховена, Брамса, Гете, Гейне, Канта, Шиллера, Томаса Манна и других гигантов европейской культуры. Особенно отвратительно было узнать, что некоторые из начальников лагерей, отвечавших за программы уничтожения, наслаждались классической музыкой в лоне семьи после тяжелого трудового дня.

Другим фактором, также внесшим свой вклад в однозначное неприятие нацизма, была сама его идеология: неприкрытый расизм не имел никакой искупительной ценности; напротив, коммунистические системы легитимировали себя впечатляющим и очевидно гуманным теоретическим зданием марксистского разрушения с благими намерениями. Привлекательность и респектабельность марксизма увеличивались его родством с идеалами Просвещения, универсальной идео-

логией, воплощение которой обещало выгоды всему человечеству в целом.

По этим причинам осуждение репрессий и насилия в коммунистических государствах часто сочеталось с оговоркой, что эти системы были правильно задуманы, но потерпели неудачу в претворении в жизнь своих благих намерений и привлекательных идеалов. Как писал французский автор Алан де Бенуа, «преступления Сталина были результатом извращения коммунизма, который был “идеалом человеческого освобождения”, в то время как преступления Гитлера следовали непосредственно из его идеологии... Коммунизм предал свои обещания, [тогда как] методы нацизма следовали непосредственно из его доктрины... методы же советского коммунизма стали “неверным применением здоровой идеологии”»¹³.

Милован Джилас, свидетель коммунистического политического насилия, писал: «коммунизм... переполнен гуманистическими заклинаниями насчет братства, солидарности, равенства и т. п. ... Но... гуманитарные элементы, как правило, не имеют никакого значения без узаконивания строгих методов... Гуманистические элементы коммунизма подпитывают иллюзию, что они сами станут действительностью, как только заключительная цель... будет достигнута»¹⁴.

Осуждение нацистской политики было облегчено и тем, что нацисты менее стремились скрывать ее: даже если на Западе немного было известно (до конца второй мировой войны) о лагерях уничтожения, поступала информация о том, что в оккупированных нацистами странах евреи были обязаны носить желтые звезды, устраивались гетто; самый известный немецкий погром, так называемая Хрустальная ночь, также получил широкую огласку и был фотодокументирован – нацистские зверства были заметны.

---

¹³ A. de Benoist, *Nazism and Communism: Evil Twins?* // „Telos”, Summer 1998. – С. 181.

¹⁴ M. Djilas, *The Fall of the New Class*, New York, 1998. – С. 306.

Коммунистические государства были намного более скрытны в расправе со своими воображаемыми врагами, а визуальных, фотографических свидетельств имелось совсем немного. Джон О'Салливан отмечал: «Коммунизм имел проницательность прятать свои геноцидные побуждения за фасадом заботы о социальной справедливости. Нацизм был не просто откровенен в своей варварской ненависти; он выражал свою сущность в театрализованных демонстрациях массового садизма, сделавших нацистские униформы и знаки отличия основным элементом порнографической промышленности»¹⁵.

Другой причиной отсутствия критического исследования советской системы для длинных промежутков времени был союз между западными державами и Советским Союзом во время второй мировой войны. Советский Союз играл главную роль в нанесении поражения нацистской Германии и потерял гораздо больше своих граждан – и солдат, и гражданских жителей, чем западные страны. В этом можно убедиться по тому, что по мере ослабления воспоминания о войне этот фактор становился все менее значимым.

Но главная причина того, что коммунистические страны не судятся по одним стандартам с нацистской Германией, коренится глубоко в политических ценностях и позициях западной интеллигенции и лидеров, имеющих влияние на общественное мнение. Таким образом развивалось глубокое и длительное расхождение между моральными оценками этих систем, сформированными нежеланием ученых, журналистов и общественности применить одни и те же моральные критерии и категории к коммунистам и к нацистам. Расхожей мудростью среди западной либеральной интеллигенции стала мысль о том, что строгий, морально осведомленный критический анализ коммунизма так или иначе неуместен, невежествен, отдает дурным вкусом и – хуже того – невзначай уравнивает критика с дискредитировавшими себя консерваторами или рыцарями холодной войны.

---

¹⁵ J. O'Sullivan, *State Worship* // „New Criterion”, February 2008. – С. 70.

В дальнейшем различные подходы к двум системам были проиллюстрированы тем фактом, что многие западные социологи и интеллектуалы полагали, что «авторитарная личность» может быть ключом к пониманию нацистского движения и системы (и крайне правых движений вообще), в то время как эта идея почти никогда не высказывалась применительно к коммунистическим системам или радикальным левым движениям. Подобным образом и повинение теории власти и понятию «банальности зла» сохранялось за объяснениями нацистских преступлений¹⁶. Также здесь необходимо отметить, что американские ученые и интеллектуалы редко (если не никогда) обсуждали применимость понятия тоталитаризма к нацизму, но применение этого же понятия к коммунистическим государствам породило ожесточенные споры после 1970-х годов.

Методологии изучения этих систем были различны и испытывали влияние противоположных систем ценностей. Таким образом, никогда не утверждалось, что свидетельства беженцев из нацистской Германии или выживших в нацистских концентрационных лагерях нужно рассматривать с «осторожностью», поскольку они не являются вполне надежными источниками информации. Напротив, как отмечалось ранее, свидетельства невозвращенцев и беженцев из коммунистических стран часто ставились под сомнение. Аналогично ученым и исследователям, имеющим дело с нацистской Германией, советовали не ограничивать свое моральное негодование, тогда как исследователям коммунистических стран часто советовали обуздывать свои моральные импульсы и избегать предвзятости. Исследователи нацизма не чувствовали себя вынужденными замалчивать убеждение в том, что нацистские

---

¹⁶ Важное исключение найдено в комментарии Гетти: «Мы не должны превращать Сталина во всезнающего и всемогущего демона, чтобы постичь зло... Сталин был жестоким, но обычным смертным... Он не умел хорошо планировать... он оступался во всем, от коллективизации до внешней политики. Колоссальные уголовные преступления Сталина... были незапланированными и беспорядочными. Его зло, как и зло Эйхмана, было обычным... банально человеческим...» [A. Getty, R. Manning. – С. 62].

лидеры и функционеры были глубоко испорченными людьми с изуродованной душой и даже некоторой психопатологией. (В то же время существовала и точка зрения, популяризируемая Ханной Арендт, что это самые «обычные» и не отличающиеся от кого-либо люди, ужасно ведущие себя под давлением обстоятельств¹⁷.) В любом случае личности коммунистических лидеров исследовались не так часто и считались неподходящими или менее подходящими для понимания их действий и политики.

Этот краткий обзор причин расходящихся моральных оценок нацизма и коммунизма может помочь пониманию того, как и почему они развивались, но он не предлагает никакого оправдания такому отношению. Скорее исследованные здесь несоответствия представили еще одну иллюстрацию влияния эмоциональных и не вполне рациональных факторов, формирующих политические и моральные суждения и выборы.

---

¹⁷ H. Arendt, *Eichman in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*, New York 1963; S. Milgram, *Obedience to Authority*, New York 1974.

